

жении последних двух с половиной тысячелетий определяется прежде всего ходом социально-экономической и политической истории Хорезма.

Наши разведки дали возможность значительно расширить границы культурных земель античного Хорезма, доведя их до восточных и северо-восточных окраин Сарыкампыша. Раскопки в Куня-Уазе впервые ярко осветили совершенно не известное до сих пор время самого конца античного периода, IV—V вв. н. э. Раскопки в Шахсенеме позволяют исследовать ряд темных вопросов истории культуры Хорезма времен «Великих Хорезмшахов» и установить, весьма важный факт сознательного использования в XII—XIII вв. давно забытых традиций искусства античного Хорезма. Наконец, раскопки в Куня-Ургенче впервые вскрыли облик поздне-средневекового среднеазиатского города, переживавшего период глубокого упадка. Последний был вызван страшными разгромами Чингисхана и Тимура и связанными с ними новыми периодами глубокой феодальной раздробленности, бесконечными феодальными усобицами и набегами кочевников.

Нет сомнения, что дальнейшее развертывание археологических работ даст возможность еще полнее и разностороннее осветить историю культуры Хорезма и примыкающих к нему с юго-запада областей и восстановить пока еще недоступные нам страницы истории народов Средней Азии.

С. Толстов

СУХО-ЧАЛТЫРСКОЕ ГОРОДИЩЕ

В дельте Дона и в нижнем его течении расположено несколько городищ сарматского времени, представляющих значительный интерес. Наиболее замечательное из них Недвиговское, являющееся остатками древнего Танаиса; вблизи от него находится ряд более мелких городищ того же времени, довольно густо расположенных по берегам Дона и Мертвого Донца. Изучение этих городищ начато было еще П. П. Леонтьевым в пятидесятых годах прошлого столетия, но затем надолго заглохло. Довольно интенсивно обследовались они в 20-х годах XX в. повторными экспедициями А. А. Миллера и в 30-х годах — местными ростовскими краеведами. В последние годы эти городища, как, впрочем, и все остальные памятники дельты Дона, даже городище Танаиса, совершенно перестали изучаться археологами. Это тем более досадно, что нижнедонские городища могут дать чрезвычайно интересные материалы для характеристики взаимодействия местных и античной культур, т. е. для решения того вопроса, который особенно занимает сейчас археологов-антиковедов.

Летом 1950 г. автор этой заметки имел возможность во главе небольшой археологической экспедиции Ростовского областного музея краеведения посетить городища скифского и сарматского времени в дельте Дона и в районе Таганрога. В задачи экспедиции входили осмотр городищ рассматриваемой эпохи на Нижнем Дону, фиксация их современного состояния, составление их описаний, фотографические и топографические работы на городищах, сбор подъемного материала, принятие мер к предотвращению дальнейшего разрушения памятников. Наибольшее внимание было уделено обследованию самого крупного и значительного городища — Недвиговского, но были осмотрены и другие, второстепенные, городища дельты Дона. Одно из последних, очень слабо освещенных в литературе — Сухо-Чалтырское — и является предметом рассмотрения в настоящей заметке.

Сухо-Чалтырское городище было открыто еще И. А. Стемпковским¹ и неоднократно

¹ «Процилея», Сборник статей по классической древности, издаваемый П. П. Леонтьевым, книга IV, (1854), стр. 391—392.

подвергалось осмотру, но описания его никем не было сделано, не существует и плана этого городища¹.

Городище расположено на высоком правом берегу пойменной долины Мертвого Донца при впадении в него ручья Сухой Чалтырь, с восточной стороны от последнего. Благодаря своему положению городище господствует как над устьем Сухого Чалтыря, так и над долиной Мертвого Донца в этом районе. Большая возвышенность, на которой было расположено древнее поселение (рис. 1, 1'—2—4), ограничивается с северо-запада долиной Сухого Чалтыря, а с юго-запада круто спускается в пойму Мертвого Донца; на северо-востоке и юго-востоке она переходит в плато. Поселение занимало крайний западный угол этой возвышенности, причем культурный слой может быть прослежен по юго-западному склону (вдоль долины Мертвого Донца) на протяжении более 100 м до небольшой поперечной балки (рис. 1, 2—1'). Проследить надлежащим образом распространение культурного слоя на север и северо-восток не представляется возможным, так как вершина возвышенности застроена усадьбами колхоза «Красный маяк» и распахана под огороды. На всем свободном от построек пространстве находки керамики встречаются в значительном количестве. По юго-западному скату возвышенности во всю его длину проходит глубокий ров новейшего происхождения, который, повидимому, совпадает с границей древнего поселения с этой стороны; ниже рва культурных остатков не обнаруживается. Культурный слой поселения во многих местах нарушен канавами и хозяйственными ямами.

Кроме описанной территории, поселение занимало еще небольшой, но очень крутой, отдельно лежащий холм почти круглой формы. Этот холм лежит на самом стыке долин Сухого Чалтыря и Мертвого Донца к северо-западу от описанной возвышенности и соединяется с ним большой ложбиной. Холм (рис. 2) круто спускается к Мертвому Донцу и почти отвесно — к Сухому Чалтырю. Почти плоская вершина холма, имеющая подтреугольную форму (рис. 1, 3'—4'—5'), вся изрыта канавами и в настоящее время занята небольшим кладбищем. Зато крутые склоны холма, достигающего в высоту 25 м, свободны от повреждений.

И. А. Стемпковский, а вслед за ним и некоторые другие исследователи считали, что поселение занимало только этот отдельно лежащий холм²; на самом деле холм этот являлся лишь частью поселения, может быть главной, но наличие культурного слоя и обилие находок за пределами холма, на большой возвышенности, заставляет полагать, как это и сделала Т. Н. Книпович³, что поселение простиралось и туда. Остатков каких-либо оборонительных сооружений на поверхности не сохранилось, хотя И. А. Стемпковский видел еще не только рвы, но и остатки каменной стены⁴. Впрочем, круглый холм сам по себе является прекрасным пунктом для обороны и, вероятно, служил убежищем или цитаделью для всего поселения.

Культурный слой на этом холме по интенсивности и мощности заметно превосходит культурный слой в других частях городища. Он состоит из мусорных остатков (керамика, кости, зола) и фрагментов строительных материалов, среди которых особенно часто встречаются куски глиняной обмазки стен с отпечатками тростника (рогоз) и довольно большое количество мелкого камня (известняк).

Керамические остатки, найденные на Сухо-Чалтырском городище, имеют в основном тот же характер, что и керамика других городищ сарматского времени в дельте Дона — Гниловского, Подазовского и других. Бросается в глаза наличие среди подъемного

¹ План, составленный и опубликованный А. А. Миллером в его отчете о работах Северокавказской экспедиции в 1926—1927 гг. (СГАИМК, II, стр. 68, рис. 3), относится к другому городищу, повидимому, средневековому, расположенному значительно восточнее; краткое описание интересующего нас городища дано А. А. Миллером в ИГАИМК, IV, стр. 18.

² «ПроPILEи», IV, стр. 391; А. А. М и л л е р, ИГАИМК, IV, стр. 18.

³ Т. Н. К н и п о в и ч, Танаис, М.—Л., 1949, стр. 147.

⁴ «ПроPILEи», IV, стр. 391.

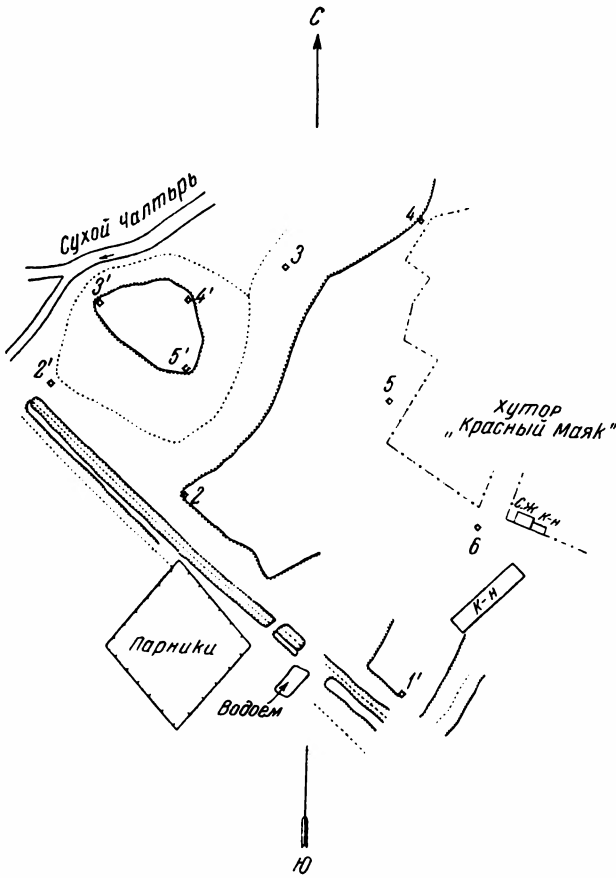

Рис. 1. План Сухо-Чалтырского городища

материала с городища очень большого количества лепной и особенно лощеной керамики, численно не уступающей амфорным остаткам. Последние состоят главным образом из фрагментов светлоглиняных узкогорлых амфор (рис. 3, 1), в меньшей степени из фрагментов амфор римского времени других типов. Находки светлоглиняных узкогорлых амфор первых веков н. э. обычны по всему Северному Причерноморью, в том числе отмечались

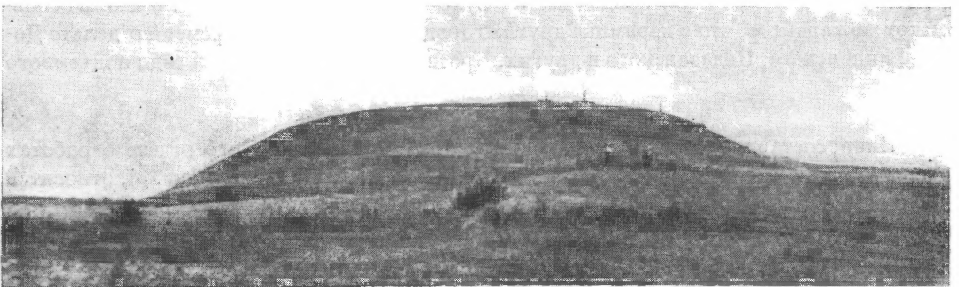

Рис. 2. Вид холма Сухо-Чалтырского городища

и на Недвиговском городище¹. Т. Н. Книпович высказала даже весьма убедительное предположение о местном, танаисском происхождении одной из групп этих амфор²

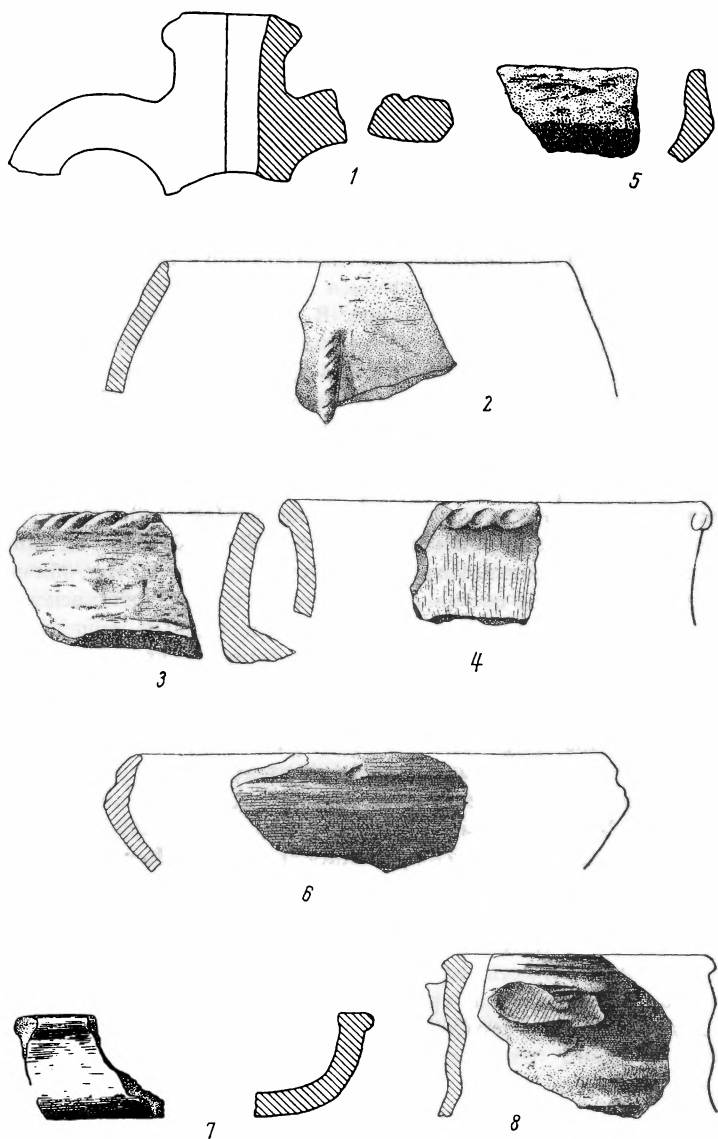

Рис. 3. Керамика Сухо-Чалтырского городища

Широкое распространение их в поселениях Нижнего Дона сарматской эпохи хорошо согласуется с этим предположением. Обломки краснолаковых сосудов встречаются на Сухо-Чалтырском городище сравнительно редко. Среди обломков лепных сосудов преобладают фрагменты горшков баночной формы с немного загнутыми внутрь стенками. Иногда на боках сосуда встречаются рудиментированные ручки или украшения в виде

¹ Т. Н. Книпович, ук. соч., стр. 72 сл., рис. 28.

² Там же, стр. 29—30.

вертикальных налепов (рис. 3, 2). Последний мотив в украшении лепной керамики с Сухо-Чалтырского и с других сарматских городищ дельты Дона интересен в том отношении, что он связывает эту позднюю, сарматского времени, керамику с керамикой Подонья более ранних эпох. И на Недвиговском и на других Нижне-Донских городищах встречаются иногда фрагменты лепных сосудов, которые по своей форме или орнаментации могли бы быть отнесены к гораздо более ранней эпохе, еще ко времени так называемой «Кобяковой культуры». Однако весь облик этих фрагментов, их фактура и особенно состав глины, содержащей известковые включения, не встречающиеся в более раннее время, заставляют нас относить эти обломки к сарматской эпохе. Повидимому, здесь нужно считаться с наличием известной архаизирующей тенденции в изготовлении местной лепной керамики римского времени. Наличие подобной тенденции к длительному бытованию отдельных «архаических» орнаментальных и конструктивных мотивов в керамике отмечалось Т. Н. Книпович для более раннего Елизаветовского городища¹. С подобными же явлениями мы сталкиваемся и при изучении лепной керамики сарматского времени с ниже-донских городищ. В частности, упомянутые вертикальные налепы на фрагментах сосудов с Сухо-Чалтырского городища являются, видимо, таким же образцом очень долгого бытования, вплоть до сарматской эпохи, «архаического» мотива в лепной керамике, появляющегося еще в культуре Кобякова II и широко распространенного в елизаветовской керамике скифского времени².

На Сухо-Чалтырском городище встречены также фрагменты лепных горшков с широким горлом, орнаментированным насечкой или вдавливанием (рис. 3, 3—4) и обломки лепных чашек (рис. 3, 5), иногда покрывавшихся лощением (рис. 3, 6). Но наиболее обычным типом лощеной керамики являются чашки, из плотной серой глины сделанные на гончарном круге; они имеют вертикальный или загнутый внутрь бортик, обычно профилированный. Чашки этого типа постоянно встречаются и на Недвиговском городище и на других городищах Нижнего Подонья и Приазовья. Одна из лощеных чаш с Сухо-Чалтырского городища имеет несколько необычную форму венчика и сделана из красной, а не из серой глины (рис. 3, 7).

Среди находок с Сухо-Чалтырского городища имеется один фрагмент, относящийся, повидимому, уже к ранне-средневековому времени. Это обломок горла сероглиняного кувшина, украшенного лощеными полосами очень интенсивного черного цвета (рис. 3, 8). Некоторую аналогию этому кувшину представляет сосуд из раскопанного П. Рау в 1928 г. кургана F. 16 у села Усатово, Комсомольского района, Саратовской области, который датируется И. В. Синицыным поздне-сарматским временем³. Но в Подонье сосуды с подобным лощением относятся, повидимому, уже к более поздней эпохе. Вероятно, еще один обломок стенки лощеного сосуда принадлежит кувшину того же типа.

Сухо-Чалтырское городище по своим топографическим особенностям, по сохранности культурного слоя, по качеству встречающейся на нем керамики представляет значительный интерес, и организация археологического исследования его в ближайшее время была бы крайне желательна, тем более что городищу угрожает полная застройка его территории соседним колхозом.

Д. Б. Шелов

¹ Т. Н. Книпович, Опыт характеристики городища у станции Елизаветовской, ИГАИМК, 104, стр. 167 сл.

² Там же, стр. 174, рис. 53.

³ И. В. Синицын, Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, Саратов, 1947, стр. 21, табл. 3, рис. 2.